

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ
ЗНАНИЙ

А. АДАМОВ

ПРАВДА
О РУССКИХ ОТКРЫТИЯХ
В АМЕРИКЕ

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва — 1952

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ

А. АДАМОВ

ПРАВДА О РУССКИХ ОТКРЫТИЯХ
В АМЕРИКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

МОСКВА

1952 г.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
Русские галиоты плывут на Восток	4
Действительные и мнимые открытия капитана Кука	10
Начало Русской Америки	14
Джордж Ванкувер знакомится с русскими	19
Русские достигают Калифорнии	22
Состязание у полярных берегов Аляски	24
В дебрях Русской Америки	29

Редактор издательства — **Н. В. УСПЕНСКАЯ.**

А 03405. Подп. к печ. 29/III 1952 г. Тираж 75 000 экз. Изд. № 344.

Бумага 60 × 92¹/₁₆ — 1 бум. л. = 2 п. л. Уч.-изд. 2,04 л. Заказ 361.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

В истории русского землеведения одна из ярких страниц принадлежит открытиям и исследованиям русскими людьми обширных пространств Нового Света — Алеутских островов, Аляски и Северной Калифорнии.

Буржуазные географы и историки с особым усердием замалчивают сейчас эти открытия и исследования.

В обширном труде Г. Р. Вагнера «Картография Северо-Западного побережья Америки до 1800 г.», изданном в США в 1937 году, использованы фонды, содержащие и русские карты (например, фонды библиотеки Конгресса). Однако Вагнер не опубликовал ни одной карты, составленной русскими экспедициями, хотя именно русские сделали важнейшие открытия в северо-западной части Америки.

Преподаватель исторической географии Оксфордского университета Д. Бейкер в своем труде «История географических открытий и исследований», вышедшем в Лондоне в 1945 году, в главе «Америка 1550—1800 гг.» подробно описывает исследования французов, англичан и испанцев. Но из этой главы следует конфузный для автора вывод, что к началу XIX века человечество ничего не знало о северо-западном побережье Америки, протяжением около 50 000 километров к северу от залива Сан-Франциско. Однако внимательный читатель обнаружит в главе «Южная земля» и Тихий океан 1600—1800 гг.» два слова о том, что в середине XVIII века русские мореплаватели Беринг и Чириков открыли Алеутские острова и Аляску. Именно открыли, но совершенно не исследовали, после чего, по утверждению Бейкера, на Тихом океане наступил «век Кука».

Заинтересовавшись туманной фразой Бейкера о том, что в XVIII веке из России «от времени до времени отправлялись в Америку и другие экспедиции»¹, читатель может обратиться к книге американца Л. Аусвейта «Как открывали земной шар». Однако в разделах «Северная Америка» и «Тихий океан и Австралия» он не найдет ни слова о русских открытиях. Аусвейт утверждает, что в этих районах все открыто и исследовано французами и англичанами. Лишь прочитав внимательно всю

¹ Д. Бейкер. История географических открытий и исследований, стр. 192—193. Гос. изд-во иностр. л-ры. 1950.

книгу, можно заметить мошеннический прием, к которому прибегнул американский географ. Чтобы подчеркнуть мнимую незначительность и случайность русских открытий в Америке, он поместил несколько самых общих слов об этом в раздел... «Азия».

Еще дальше пошел французский ученый К. Валло. В своей книге «Общая география морей», вышедшей во Франции в 1933 году, он без смущения пишет: «...научная любознательность и стремление к исследованиям завершили в полвека, от Кука до Дюмон-Дюрвилля, дело познания берегов Тихого океана и океанических архипелагов. Честь этих открытий принадлежит английским и французским мореплавателям»¹. Имя Беринга французский географ упоминает лишь в связи с обнаружением... морской коровы близ Камчатки.

Таким образом, ясно, что мы имеем дело не с ошибкой или злым умыслом отдельного ученого, а с тенденцией замалчивания русских открытий и исследований в Америке, присущей даже самым «объективным» буржуазным географам Запада.

Нечего и говорить, что все другие, «менее объективные» зарубежные географы спешат потопить вопрос о русских открытиях и исследованиях в Америке в мутном потоке клеветы и фальсификаций.

Какова же в действительности история русских географических открытий и исследований в северной части Тихого океана и на северо-западных берегах Америки?

Русские галиоты плывут на Восток

Русские поселения возникли на Аляске еще в середине XVII века. Существует целый ряд версий о том, как попали русские к берегам Нового Света. Одно неоспоримо: такие поселения в то время существовали. В 1937 году на Аляске в районе Кенайского залива во время земляных работ были обнаружены остатки большого русского поселения. Специалисты, изучив растительность на бревенчатых стенах хижин и слой покрывавшей их земли (детритус), пришли к выводу, что возраст поселения исчисляется примерно в 300 лет. Этот факт объясняет множество сведений о старинных русских поселениях на Аляске, которыми располагала уже в XVIII веке русская администрация в Сибири. «Можно предположить, — пишет советский исследователь А. В. Ефимов, — что на Аляске было не одно, а несколько, а возможно и много древних русских поселений, подобно тому как есть свидетельства о древних русских поселениях вдоль северного края Азиатского материка»².

¹ К. Валло. Общая география морей, стр. 158. Учпедгиз. 1948.

² А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий, стр. 162. Географгиз. 1950.

В 1732 году русские моряки снова достигли берегов Америки. Этому предшествовал целый ряд попыток. О некоторых из них мы имеем сведения. В 1725 году погиб смелый мореплаватель Прокопий Нагибин, спустя три года льды разбили судно Афанасия Мельникова. Оба морехода пытались добраться до Большой Земли, как в те годы называли сибиряки Аляску. В 1728 году потерпела неудачу в своем намерении достигнуть берегов Нового Света и правительственная экспедиция под начальством капитанов Чирикова и Беринга. Однако многочисленные усилия русских мореходов скоро увенчались успехом.

В июле 1732 года судно «Св. Гавриил» под командой подштурмана Ивана Федорова и геодезиста Михаила Гвоздева вышло с Камчатки на север и через 20 дней благополучно пристало недалеко от мыса Дежнева. Отсюда мореходы дважды плавали к острову Ратманова. Во время второго плавания они заметили на востоке очертания скалистых берегов. 21 августа «Св. Гавриил» подошел к побережью Аляски и двинулся на юг. Моряки в течение пяти дней вели опись неизвестного берега, осмотрели мыс, теперь называемый мысом принца Уэльского, и остров Укивок.

Важное географическое открытие Федорова и Гвоздева стало вскоре известно не только в России, но и в странах Западной Европы. Уже в 1738 году в одной из французских газет были помещены, со слов известного русского навигатора и гидрографа Ф. И. Соймонова, краткое и не совсем точное сообщение об экспедиции Федорова и Гвоздева и карта ее плавания, вычерченная французским географом Делилем. На русских картах того времени, составленных Чириковым, Шпанбергом, петербургским академиком Миллером, также была нанесена часть американского побережья, открытая Федоровым и Гвоздевым.

Огромное научное и политическое значение имела вторая экспедиция Беринга. Плаванием кораблей Чирикова и Беринга в 1741 году был решен, наконец, вопрос, где же находится Америка, на каком расстоянии от Азии, каково общее очертание ее северо-западного побережья.

Во время бури корабли потеряли друг друга из виду и следовали на восток разными маршрутами. Корабль Чирикова достиг побережья Америки раньше корабля Беринга и оказался в районе южных островов архипелага Александра под $55^{\circ}21'$ с. ш. Отсюда корабль двинулся на север и, пройдя за десять дней около четырехсот миль, достиг района залива Льюта под $58^{\circ}21'$ с. ш. Отсюда Чириков повернул на запад, к Камчатке. Через несколько дней под широтой $58^{\circ}46'$ мореплаватели увидели на севере высокие снежные вершины Кенайского полуострова. Двинувшись на юго-запад, а затем на запад, Чириков открыл по пути несколько островов Алеутской гряды и 10 октября прибыл в Петропавловск-на-Камчатке. Во время плава-

ния моряки жестоко страдали от цынги, жажды и небывало сильных штормов.

Несмотря на все трудности, Чирикову удалось привести свое судно на Камчатку.

Иная судьба постигла второй корабль экспедиции, плывший под командой Беринга. Он достиг американского побережья под $59^{\circ}47'$ с. ш. Мореходы увидели высокий, покрытый льдом и снегом горный пик. Такой высокой горы они не видели в Сибири и на Камчатке. Ее называли горой Св. Ильи. Близ побережья находился небольшой остров, к которому и пристал корабль. Моряки подробно исследовали флору и фауну острова, запаслись водой и отправились в обратный путь. На следующий день невдалеке от судна показался самый крупный остров у южного побережья Аляски — Кадьяк. Его нанесли на карту. Вскоре в тумане подошли еще к одному острову (он был назван Туманный), затем открыли Евдокеевские острова близ полуострова Аляски, а спустя почти месяц блужданий в открытом океане снова подошли к полуострову Аляска и стали на якорь у островов Шумагинских (названных так в честь похороненного там матроса Шумагина). Запасшись водой, снова поплыли на запад, миновали Алеутские острова, нанеся некоторые из них на карту, и 4 ноября увидели высокий берег. К этому времени положение экипажа было отчаянное, люди умирали от цынги, подходили к концу вода и сухари, жестокие бури изорвали снасти. Берег приняли за Камчатку и решили высадиться. Но вскоре выяснилось, что это был остров. Здесь морякам пришлось провести зиму. Спустя месяц скончался Беринг, умерло и несколько человек матросов. Оставшиеся в живых на следующее лето добрались до Камчатки.

Алексей Чириков, приняв на себя после смерти Беринга фактическое руководство экспедицией, составил замечательную карту плавания обоих кораблей. Эта карта явилась первой в мире, где северо-западное побережье Америки было показано на основе конкретных, достоверных данных.

Советскому исследователю А. В. Ефимову совсем недавно удалось обнаружить в архивах новые важнейшие документы, свидетельствующие о крупных научных заслугах Чирикова. Огромный интерес представляют неизвестные до сих пор две карты Чирикова, относящиеся к 1746 году. На них подытожены научные результаты всех русских экспедиций на Тихом океане. Очень четко нанесены на этих картах северо-западное побережье Америки на значительном протяжении и острова близ него, ряд Алеутских островов, Командорские острова и, наконец, западная оконечность Аляски с островами Дионида (Гвоздева) и Укивок по материалам экспедиции Федорова — Гвоздева.

Подробное описание плавания кораблей Чирикова и Беринга и карта их открытий вскоре стали известны на Западе, причем отнюдь не обычным путем.

Члены Российской Академии наук уже давно замечали, что один из их коллег, французский академик Жозеф Делиль, приглашенный в 1726 году в Россию, ведет себя несколько странно. Пользуясь возложенным на него поручением по составлению атласа России, он затребовал себе все имевшиеся географические карты различных районов страны не только из Сената, но и из военных ведомств, в частности из канцелярии Главной артиллерии. В Академии заметили, что Делиль снимает для чего-то копии с этих карт, хотя он сам объяснил это необходимостью переводить карты с русского языка, которым он не владел, на французский.

Наконец, как свидетельствует в письме от 2 августа 1742 года библиотекарь Академии Шумахер, было «в рассуждение принято, что профессор Академии наук Бернулли в публичной компании сказал, коим образом он удивляется, что с ланд-картами не осторожнее поступают: потому что профессор Делиль, снимая с них копии, посылает оные во Францию». Президент Академии донес об этом возмутительном случае государыне, на что последовало решение: «Приказать, чтобы за Делилем крепко присматривать и при сочинении генеральной карты сделать такое учреждение, чтобы все подлоги пресечены, а самое бы дело с успехом произведено было»¹.

Однако «с успехом» Делиль осуществлял совсем другое «дело». В марте 1743 года он просил французского посла в Петербурге графа Далиона о пересылке в Париж морскому министру «надежным и секретным образом», по дипломатическою почте, трех больших пакетов с картами России. Мало этого, обнаглевший разведчик пересылал своему шефу важнейшие русские карты целыми ящиками. В руки французского штаба попали, таким образом, карты границ России и Польши, Польши и Крыма, карты расположений Изюмского, Сумского, Харьковского и других полков, генеральная карта Украины, карта крепости Очаков и ее окрестностей и многие другие. Как видим, Делиль усердно отработывал те 5 тысяч франков, которые ежегодно выплачивались ему французским военным ведомством во все время пребывания его в России.

Среди украденных Делилем русских карт были и копии карты плавания Чирикова и Беринга, а также сведения о других русских открытиях в Тихом океане.

Итак, с помощью Делиля французское правительство было полностью осведомлено в те годы о результатах экспедиции Чирикова — Беринга.

Но особенно внимательно следило за открытиями русских в Тихом океане британское адмиралтейство. Ни одно маломальски интересное сообщение по этому поводу не ускользало

¹ Цит. по кн. А. В. Ефимова «Из истории великих русских географических открытий», стр. 205—206.

от его внимания: этого требовали торговые и политические интересы правящих кругов Англии, приступивших уже к колонизации Канады со стороны Атлантического побережья. Мы увидим дальше, как «добросовестно» использовали лорды адмиралтейства сведения о русских открытиях и как, следуя их секретным инструкциям, вели себя «справедливые и честные» английские мореплаватели.

Беспокойство в Англии в связи с открытиями русских в Тихом океане было так велико, что все средства были признаны годными для получения самой подробной информации. И тут блеснул своими «способностями» британский полномочный посол в Петербурге лорд Джон Гиндфорд. Достопочтенный джентльмен, как мы увидим, не отличался большой щепетильностью в выборе средств. В 1747 году он писал в Лондон статс-секретарю по северным делам лорду Честерфилду следующее: «Во исполнение моих первых инструкций я постарался узнать, какие именно открытия сделало здешнее правительство в северо-восточной окраине России, и мне посчастливилось достать копию журнала и карту знаменитого капитана Беринга... Я надеюсь быть в состоянии послать их Вашему сиятельству со следующим курьером; но это надо держать в секрете, ибо если Чернышёв (русский посол в Лондоне.— А. А.) узнает об этом, весьма многие будут отправлены отсюда заканчивать свои дни в той стране».

Британский посол, достойный представитель английской дипломатии, попросту украл журнал и карту плавания Беринга и Чирикова, подкупив, повидимому, кое-кого из царских чиновников.

Между тем сведения о землях и островах к востоку от Камчатки, о богатых лежбищах там морских бобров и котиков, а также перспективы новых открытий все более привлекали внимание и энергию русских мореходов и промышленников. С величайшим упорством и отвагой пустились они в плавания по бурным океанским просторам, продвигаясь все дальше и дальше на восток, к берегам Нового Света.

В 1743 году с Камчатки вышло первое промысловое судно под начальством Емельяна Басова. Промышленники зимовали на острове Беринга. Во время второго плавания, в 1745 году, Басов открыл остров Медный. В том же году мореход Михаил Неводчиков, участник плавания Беринга, открыл первую, самую западную группу Алеутских островов — Ближние. Он составил карту этих островов и подробный рапорт о своем плавании. Вскоре были открыты следующие к востоку острова — Крысьи и Андреяновские (названные в честь известного морехода Андреяна Толстых) и, наконец, в 1759 году самая восточная группа Алеутских островов — Лисьи. Последнее открытие сделал смелый и опытный мореход Степан Глотов.

В 1760 году первое русское промысловое судно под коман-

дой морехода Пушкарева подошло к полуострову Аляска. Спустя четыре года, в 1764 году, Степан Глотов прошел вдоль восточного побережья полуострова Аляски, миновал Евдокеевские и Шумагинские острова и подошел к Кадьяку. Здесь русские зимовали. Весной Глотов открыл к северо-востоку от Кадьяка новый большой остров — Афогнак.

Вслед за Гловым у берегов Аляски побывали и другие русские мореходы. Они подробно исследовали новые земли, познакомились с жизнью эскимосов, вели промысел. Многочисленные их карты и рапорты отправлялись в Петербург.

В 1768—1769 годах на Алеутских островах работала правительственная экспедиция под начальством капитанов Креницына и Левашева. Она как бы подвела итог всем предшествующим открытиям в этом районе. Были составлены подробные и точные карты и описи. Со времени этой экспедиции Алеутскую гряду можно было считать окончательно открытой. Лучшие русские мореходы на Тихом океане шли дальше на восток, к берегам Америки.

Выдающееся значение имело плавание смелого морехода и исследователя Потапа Зайкова, который три года, с 1775 до 1778, прожил на западном побережье полуострова Аляски. За это время он составил великолепную карту, на которую нанес всю Алеутскую гряду, полуостров Аляску, Кенайский и Чугачский заливы и остров Кадьяк. Интереснейшие сведения о быте и нравах жителей тех мест содержит судовой журнал Зайкова, который был опубликован в 1782 году Российской Академией наук.

Одновременно с Зайковым вышел в плавание мореход Дмитрий Полутов. В 1776 году он достиг Кадьяка. Судовой журнал Полутова, опубликованный Российской Академией наук в 1783 году, поражает обилием интересных и важных сведений по географии и этнографии тех мест.

Важно отметить, что многие открытия русских мореходов стали известны за границей. В Штутгарте, например, в 1774 году вышла книга «Об открытии в 1765, 66 и 67 гг. в северном островном море между Камчаткой и Северной Америкой». Спустя два года некий Шульц издал новую книгу по этому вопросу. Вскоре оказалось, что все сведения Шульц почерпнул от своего соотечественника, петербургского академика Миллера. Обе книги подверглись внимательному изучению в британском адмиралтействе. Но в таком важном вопросе сведения из третьих рук мало устраивали англичан.

И вот в Петербурге появляется королевский историограф по Шотландии доктор Робертсон. Доступ к Екатерине II ловкий англичанин нашел довольно быстро: его соотечественник, доктор Рочерсон, оказался придворным лейбмедиком и охотно взялся передать прошение императрице. Ссылаясь на свои чисто «академические» задачи, Робертсон получил доступ ко многим документам и материалам о русских открытиях в Ти-

хом океане. Однако не все они были использованы им в капитальном труде «История Америки», первый том которого вышел в Лондоне в 1777 году. О некоторых русских открытиях Робертсон умолчал, дав тем самым другим мореплавателям возможность приписать их себе. О каких мореплавателях пекся английский ученый, станет ясно из дальнейшего изложения событий.

Сведения, привезенные Робертсоном, оказались настолько тревожными, что в Россию был вскоре командирован еще один ученый-разведчик, Вильямс Кокс, член королевского колледжа в Кембридже. Коксу удалось получить в Петербурге очень важные сведения. В руки англичан попали копии с судовых журналов Креницына и Левашева и карта их плавания с изображением Лисых островов, карта плавания Синдта к Чукотскому полуострову и Шалаурова к Медвежьим островам, а также описания этих плаваний, карта морехода Афанасия Очередина с изображением Алеутских островов и ряд других карт.

Британское адмиралтейство с возрастающим беспокойством следило за бурным развитием русского судоходства на Тихом океане. Наконец лорды пришли к выводу, что интересы английской короны требуют быстрых и решительных мер.

Действительные и мнимые открытия капитана Кука

Прославленный английский мореплаватель Джеймс Кук долгие годы, по замыслу британского адмиралтейства, затмить своими открытиями у северо-западного побережья Америки все, что сделали там до него русские мореплаватели. Секретная инструкция предписывала Куку вновь «открыть» этот гигантский район и именем короля вступить во владение всем американским побережьем.

Чтобы облегчить знаменитому мореплавателю эту задачу, адмиралтейство поспешило снабдить экспедицию всеми материалами, относящимися к району ее «открывательской» деятельности. На руках у Кука были карты плавания кораблей Беринга и Чирикова, подробные описания их похода, составленные спутником Беринга натуралистом Стеллером и петербургским академиком Миллером, сведения об экспедиции Федорова и Гвоздева, материалы о русских открытиях в Тихом океане после Беринга и даже книга Крашенинникова о Камчатке. Имея такой необычный запас сведений о «неизвестном» районе, Кук в июле 1776 года отправился его «открывать».

В марте 1778 года английская экспедиция подошла к берегам Нового Света под $44^{\circ}33'$ с. ш. и двинулась на север. Куку удалось увидеть ряд пунктов американского побережья вплоть до $49^{\circ}39'$ с. ш. Начиная отсюда, как с неохотой признает даже английский географ Д. Бейкер, «суда были вынуждены из-за неблагоприятной погоды держаться вдали от берега и подошли к нему лишь после того, как прибыли в район, уже посещенный

русскими путешественниками»¹. Здесь Кук осмотрел заливы Чугацкий и Кенайский.

Особенно тщательно был исследован Кенайский залив в надежде, что он окажется тем пресловутым «проходом» в Атлантический океан, о котором уже давно мечтали мореплаватели. Английское правительство даже установило премию в 20 тыс. фунтов стерлингов тому, кто обнаружит этот «проход».

Несмотря на продолжительность исследования, Кук совершил грубейшую ошибку, приняв этот залив за устье большой реки. Он писал по этому поводу следующее: «Ежели сия большая река доставить может сообщение во внутренность земель... тогда меньше сожаления достойно будет, что мы на опознание оной употребили столько времени»². Около двух недель оказались потраченными впустую.

Продолжая двигаться на восток, корабли Кука миновали Кадьяк, затем Евдокеевские и Шумагинские острова. Трое суток из-за плохой погоды корабли плыли вдали от берега. Наконец, англичане прибыли на остров Уналашку, где их радушно встретили русские мореходы и промышленники.

Закончился первый этап деятельности экспедиции Кука у берегов Нового Света. Очень важное «уточнение» в оценку достижений Кука на этом этапе внес знаменитый русский мореплаватель В. М. Головнин. Он писал: «...хотя капитан Кук приписывает себе первое открытие северо-западного берега Америки выше широты 57°, но он был введен в сие заблуждение по незнанию о плаваниях в том краю наших мореходцев и что тот край был нам лучше известен, нежели англичанам; например: славный сей мореплаватель утвердительно пишет, что он нашел большую реку, которую лорд Сандвич назвал его именем; Кук приводит и доказательства, что это действительно река; но русские знали, что так называемая Кукова река есть не река, а большой залив, который мы и теперь называем Кенайскою губою... Пролив между Кадьяком и Афогнаком Кук принял за залив и дал ему имя. Другого пролива, между Кадьяком и Аляскою, Кук вовсе не знал, но русским он был известен под именем Кенайского пролива... Капитан Кук сделал также и другие ошибки, которые русским были известны»³.

Великий русский мореплаватель ошибался только в одном: Кук великолепно знал о том, что русские задолго до него плавали в районе Кенайского полуострова и Кадьяка, причем знал не только по имеющимся у него печатным изданиям. Обнаружив у жителей Кенайского полуострова железо и стеклянные

¹ Д. Бейкер. История географических открытий и исследований, стр. 206—207.

² Д. Кук. Путешествие в Северный Тихий океан и вокруг света, стр. 166. Кн. 4-я. СПб. 1810.

³ В. М. Головнин. Соч., т. III, стр. 120—121. СПб. 1864.

бусы, Кук вынужден был записать в дневнике, что эти предметы «доказывают, что сии американцы имеют сообщение с европейцами, то-есть с российскими промышленниками»¹. Близ Кадьяка островитяне передали ему русское письмо. Кроме того, Кук подробно рассказывает о своей встрече на Уналашке с известным русским мореходом Герасимом Измайловым, который поразил англичан своими познаниями в математике и астрономии. «Измайлов,— пишет Кук,— имел весьма хорошие сведения о сей части света и обретенных его соотечественников... Измайлов показал мне,— вынужден далее признаться Кук,— сколь ошибочны были карты наши о сих частях»². Русский мореход разрешил англичанам снять копию со своей карты.

Немало ценных сведений получил Кук и от других русских мореходов, с которыми встречался на Уналашке: от известного нам Потапа Зайкова, возвращавшегося в то время на Камчатку после трехлетнего пребывания на полуострове Аляска, и морехода Якова Сапожникова, судно которого в тот год зимовало на соседнем с Уналашкой острове Умнаке.

Наконец, уже будучи на Камчатке, англичане встретились с комендантом Петропавловской крепости капитаном Шмалевым, автором первого хронологического описания русских морских экспедиций в Тихом океане и ряда других работ. Свои работы Шмалев отсылал в Петербург по просьбе академика Миллера, который их широко использовал в своих трудах, как и работы ряда других своих корреспондентов (кстати сказать, без всякой ссылки на их истинных авторов). Шмалев, конечно, мог полностью удовлетворить любопытство англичан в части новых русских открытий и карт Тихого океана. В знак признательности англичане подарили русскому исследователю термометр для метеорологических наблюдений.

Имея в виду полученные от русских сведения, Кук писал несколько ранее: «В полдень 19-го находились в широте 55°18' между матерым берегом и островами, название большего, как мы впоследствии узнали, Кадьяк»³. С таким же успехом Кук мог бы сообщить название Чугацкого залива, которому он поспешил дать имя Принца Вильгельма, и Кенайского залива, который получил имя Кука, но тут уже английский мореплаватель руководствовался не принципами справедливости и морской чести, а секретной инструкцией адмиралтейства, в противном случае он никак не мог бы выполнить один из важнейших ее пунктов. Поэтому Кук, зная об открытии этого района русскими, о плавании там русских мореходов, об их торговле с туземцами, познакомившись на месте с русскими картами,

¹ Д. Кук. Путешествие в Северный Тихий океан и вокруг света, стр. 159. Кн. 4-я.

² Там же, стр. 207—208.

³ Там же, стр. 173.

все-таки не постеснялся объявить всему свету о том, что ему будто бы принадлежит честь «обретения» северо-западного побережья Америки.

В дальнейшем Кук прошел на север вдоль побережья Аляски и миновал Берингов пролив. В своем отчете он ни словом не упомянул об открытии американского берега этого пролива русскими мореплавателями Федоровым и Гвоздевым. А ведь у Кука среди прочих материалов о русских плаваниях и открытиях в Тихом океане имелась и карта Миллера, где был нанесен участок американского побережья, открытый Федоровым и Гвоздевым. В своем дневнике, рассказывая о посещении Чугацкого залива, Кук проговаривается об этом: «...по карте, приложенной к изданному проф. Миллером описанию плавания капитана Беринга,— пишет он,— кажется заключить можно, что сей самый мыс назван им мысом св. Гермогена». По этой же карте Кук мог «заключить» и об открытии Федорова и Гвоздева. Но это, как видно, не входило в его планы. Однако в Петербурге не забыли о подвиге русских моряков, и академик Паллас с удовлетворением писал, что «означенный на наших старых картах по открытиям геодезиста Гвоздева берег матерой Американской земли против Чукоцкого Носу нарочито сходствует положением длины и ширины с тем, какое определяет капитан Кук»¹.

Корабли Кука прошли за Берингов пролив вдоль американского побережья до 70° 13' с. ш., где льды заставили их повернуть обратно. На этом английская экспедиция закончила в основном свою работу у берегов Нового Света. Истинная заслуга Кука заключается в том, что он в ряде случаев уточнил очертания открытого до него русскими северо-западного побережья Северной Америки, в особенности на малоизвестных участках от полуострова Аляски до Берингова пролива и к северу от него до мыса Ледяного, и открыл ряд островов близ побережья Аляски к северу от Алеутской гряды. Это был существенный вклад в географическую науку.

Но на этом история этой экспедиции Кука не окончилась. Наступил период легенд и небылиц, которые ретивые английские и американские географы и историки складывали вокруг имени Кука. Начало этому положили спутники Кука в его последнем плавании. Лейтенант Кинг сделал в корабельном журнале следующую запись о «заслугах» Кука, в которой все, от первого до последнего слова, является вымыслом. Кинг писал: «Он (т. е. Кук. — А. А.) открыл и составил карту западной части Америки, которая, начиная с 43° с. ш., была до сих пор не исследована... Он определил близость материков Азии и Америки, прошел через разделявший их пролив и составил карту земель с обеих сторон на довольно большом протяже-

¹ П. Паллас. О российских открытиях в морях между Азией и Америкой. «Месяцеслов исторический и географический на 1781 г.», стр. 142. СПб. 1781.

нии». Кинг писал все это, будучи прекрасно осведомлен, что не Кук, а русские мореплаватели открыли «западную часть Америки», что они задолго до Кука «определили близость материков Азии и Америки» и что крайней точкой исследования Куком азиатского побережья за Беринговым проливом был... мыс Дежнева, названный Куком «Восточным». Однако Кинг знал, что он делает. Его запись в судовом журнале, имевшая, так сказать, значение «первоисточника», начала гулять по страницам всех биографий Кука, вплетая новые «лавры» в венок славы английского мореплавателя.

Современные буржуазные географы, не удовлетворяясь действительными достижениями Кука, стараются не отстать в прославлении его мнимых заслуг от своих предшественников. Уже знакомый нам Бейкер с пафосом объявил, что Кук будто бы «положил начало новой эры в деле исследования берегов Аляски»¹. Американец же Аусвейт в своем неуемном стремлении возвеличить Кука не останавливается перед прямой фальсификацией. Он с восторгом сообщает, будто бы Кук «прошел вдоль западных берегов Америки до ее северо-западной оконечности — мыса Барроу»². Таким образом, Аусвейт совершенно произвольно продлил маршрут экспедиции Кука на сотни миль труднейшего пути среди льдов.

Между тем не прекращалась деятельность смелых русских мореходов и промышленников на северо-западном побережье Северной Америки. Первыми открыв эти места, они первыми приступили к их исследованию и освоению. Спустя всего пять лет после появления у берегов Аляски экспедиции Кука на Кадьяке, полуострове Аляска и в Кенайском заливе появились первые постоянные русские поселения.

Начало Русской Америки

Григорий Иванович Шелихов, дальновидный государственный деятель и предприимчивый купец, в 1784 году на двух галиотах достиг Кадьяка. Здесь Шелихов пробыл два года. За это время русские подробно изучили Кадьяк, восточное побережье полуострова Аляска, заливы Кенайский и Чугацкий и далее на восток все американское побережье вплоть до мыса Св. Ильи. Были составлены подробные карты. На Кадьяке и соседнем острове Афогнаке были построены первые русские крепости. Постоянные поселения были заложены также на берегах Кенайского и Чугацкого заливов и на полуострове Аляска. Вокруг поселений были разбиты огороды и пасся скот. Промышленники наладили дружбу и торговлю с туземцами, занимались промыслом морских бобров и котиков.

¹ Д. Бейкер. История географических открытий и исследований, стр. 465.

² Л. Аусвейт. Как открывали земной шар, стр. 166. Детгиз. 1939.

Для детей эскимосов Шелихов организовал школу, где их обучали русской грамоте и счету.

В 1786 году Шелихов вернулся в Охотск, привезя с собой подробные сведения о новых русских владениях.

Спустя два года смелые мореходы Герасим Измайлов и Дмитрий Бочаров вышли по приказу Шелихова в море и от берегов Кадьяка двинулись на восток. Они вели подробную опись американского побережья, наносили его на карту, знакомились с прибрежными жителями. На самых видных местах мореходы установили большие железные доски с русским гербом и гордой надписью: «Земля Российского владения». Измайлов и Бочаров проплывали места, где до них не побывал еще ни один европеец: Беринг в 1741 году видел лишь один пункт этого участка побережья — остров Каяк, а корабли Кука прошли здесь, держась далеко в море. Исследовав устье реки Медной и залив Якутат, мореходы достигли, наконец, залива Льюта, близ которого в 1741 году корабль Чирикова повернул на запад. По возвращении на Кадьяк Измайлов и Бочаров отправили Шелихову подробное описание своего плавания, карты и судовой журнал.

В 1791 году в Петербурге вышла в свет книга Шелихова, где подробно описывалось «странствование» его по Тихому океану, а на следующий год было опубликовано описание экспедиции Измайлова и Бочарова. Вскоре обе книги были переизданы и почти одновременно переведены на немецкий и английский языки. К ним была приложена прекрасная карта Алеутских островов и Аляски.

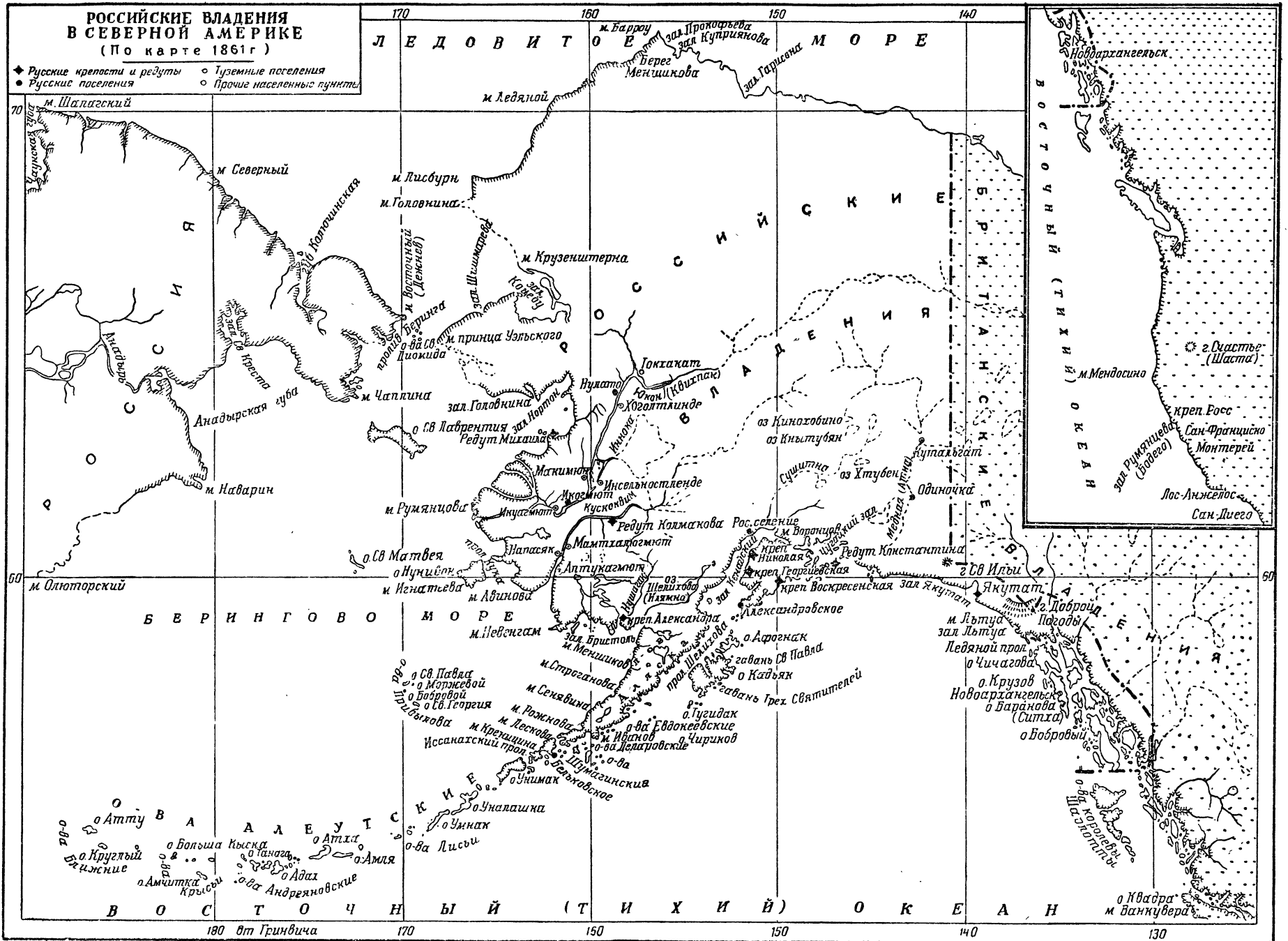
Со все нарастающей энергией и отвагой продолжали русские моряки и промышленники изучать природные богатства Русской Америки, как назывались в то время русские владения в Новом Свете. Все племена на северо-западном побережье Америки приняли русское подданство. Русские поселенцы искали минералы, делали опытные посевы зерновых культур, начали разводить скот. На Кадьяке и в других местах были созданы, по приказу Шелихова, новые школы для детей эскимосов и индейцев. Первые группы молодых туземцев были отправлены для обучения в Россию.

Современные буржуазные историки и географы, пытаясь умалить или замолчать подвиги русских людей в Америке, стараются свести к минимуму результаты и значение плавания Шелихова. Нет той клеветы и злобных фальсификаций, к которым бы они для этого не прибегали. Даже наиболее «солидные» ученые, кичащиеся своей «объективностью», не смея обойти молчанием это выдающееся событие, стремятся лобными средствами преуменьшить его значение.

Аусвейт, например, по необходимости упомянув о Шелихове, приписывает ему одну лишь единственную заслугу — организацию «колоний» на Кадьяке. «Отсюда, — с неохотой

**РОССИЙСКИЕ ВЛАДЕНИЯ
В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ
(По карте 1861г)**

- ◆ Русские крепости и редуты
- Русские поселения
- Туземные поселения
- Прочие населенные пункты

180 от Гринвича 170 150 150 140 130

добавляет американский географ, — русские двинулись на юг вдоль американского побережья»¹. И все. Аусвейт более не сообщает ни одного пункта, ни одного русского имени.

Другой «объективный» исследователь, француз Боли, в своем объемистом труде «Северная Америка» лишь одной короткой фразой касается деятельности русских в Америке, которые, по его утверждению, создали там всего лишь «торговые базы». О Шелихове он не говорит ни слова.

Наконец, Бейкер также считает возможным не упоминать имя Шелихова, туманно сообщив, что «в промежутке между 1783 и 1787 гг. на острове Кадьяк была заложена пушная фактория»². Термины «пушная фактория» и «торговая база» звучат в данном случае куда приятнее для уха буржуазного ученого, чем «постоянное поселение». Кроме того Бейкер умудрился в этом месте допустить еще одну, мягко выражаясь, «неточность». В названном им «промежутке» между 1783 и 1787 годами русскими было заложено не одно, а свыше десяти поселений, и не только на Кадьяке, но и на американском побережье в районе Кенайского и Чугачского заливов и на полуострове Аляска.

С 1791 года правителем русских владений в Америке стал Александр Баранов. Железное упорство, смелость, инициатива и государственный подход к делу отличали этого выдающегося человека. На американском побережье возникли новые русские поселения, в Воскресенской гавани на Кенайском полуострове была построена первая русская верфь. По приказу Баранова мореход Яков Шильдс проник далеко на восток вдоль побережья к Частым островам (которые сейчас по праву носят русское название — архипелаг Александра).

В эти годы русские промышленники уже совершали далекие походы внутрь Аляски. Лишь подозрительной «неосведомленностью» Бейкера можно объяснить его замечание о том, что русские в те годы «не делали никаких попыток проникнуть вглубь страны»³.

В 1788 году в среднем течении реки Медной был основан пункт для торговли с индейцами. Промышленники добирались туда из Кенайского залива по реке Кнык, затем через леса и горы к Плавежному озеру и из него спускались по реке Тлышитне к Медной.

Баранов добился от индейцев с Медной, приходивших каждую осень в русские селения, что они всякий раз будут брать с собой одного русского промышленника для указания мест, богатых медью и другими полезными ископаемыми. Это были далекие и опасные походы.

¹ Л. Аусвейт. Как открывали земной шар, стр. 218.

² Д. Бейкер. История географических открытий и исследований, стр. 193.

³ Там же, стр. 465.

Зимой 1796 года для обследования Медной вышли сразу два отряда. Один из них, отправившийся с берегов Кенайского залива, вел старый сподвижник Шелихова — Константин Самойлов. Во главе другого, двигавшегося со стороны залива Якутат, находился «горной науки унтер-офицер» Дмитрий Тарханов, первый исследователь недр Аляски. Спустя два года, в сентябре 1798 года, Баранов послал на Медную промышленника Паточкина «для разведывания о тамошних местах и приобретениях».

Не менее деятельно исследовались русскими районы Аляски к западу от Кенайского залива. В 1780 году Иваном Кобелевым было открыто устье Юкона, величайшей реки Аляски. Спустя несколько лет русскими были обследованы берега огромного озера Шелихова (Илямна). Оттуда в начале 90-х годов отправился в далекий и трудный поход на север вожак артели промышленников Алексей Иванов. Он пробыл в пути несколько месяцев, пройдя, по его подсчетам, свыше 500 верст. Через горы, дремучие леса, болота и озера добрались промышленники до второй по величине реки Аляски — Кускоквим. У Баранова скапливалось все больше сведений о внутренних районах Аляски.

В 1790—1791 годах в Тихом океане работала большая правительственная экспедиция под начальством Сарычева и Биллингса. Новой тщательной описи и картографированию были подвергнуты Алеутские острова, Кадьяк и побережье Аляски вплоть до горы Св. Ильи. Впоследствии Сарычев издал обширный труд по географии и этнографии этого района и подробный атлас карт и рисунков.

Джордж Ванкувер знакомится с русскими

Весной 1792 года к берегам Нового Света прибыла экспедиция Ванкувера. Англичане подошли к острову Нутка и занялись исследованием и составлением описи побережья вплоть до архипелага Александра. Работа эта была сделана крайне плохо. «Желаю всячески предупредить,— писал Ванкувер,— чтобы не много полагались на сию часть нашей описи... причиною ошибок наших было то, что мы не имели астрономических наблюдений и что густые туманы, беспрестанно нас окружавшие, не позволяли определять расстояния»¹.

С наступлением зимы корабли экспедиции ушли на юг, в теплые широты, и лишь в апреле 1793 года снова появились у северо-западного побережья Америки, на этот раз близ полуострова Аляски. Ванкувер не стал заниматься описью многочисленных островов в этом районе, а двинулся сразу к «Куковой реке». Официальная причина такой спешки заклю-

¹ Д. Ванкувер. Путешествие в Северную часть Тихого океана и вокруг света, стр. 42. Кн. 4-я.

чалась в надежде открыть там «проход» в Атлантический океан, но была и вторая причина — собрать подробные сведения о русских поселениях.

Начиная с этого времени экспедиция медленно продвигалась на восток, ведя опись побережья.

Уже в Кенайском заливе англичане встретили русских промышленников и получили от них первые важные сведения по географии этого района. «Они ясно дали мне понять,— пишет Ванкувер,— что мы стоим на якоре не в реке, но в рукаве морском, который совершенно оканчивается в 15 милях от нашей стоянки»¹. Англичане постарались узнать о расположении и численности русских поселений в Кенайском и Чугацком заливах. Ванкувер с неудовольствием отметил в дневнике, что «во все время разговора они (т. е. русские. — А. А.) казалось употребляли всякое старание дабы нас убедить, что американский берег и соседственные острова на восток... принадлежат исключительно Российской империи»². Англичане, как мы увидим, имели на этот счет свое особое мнение.

Для производства тщательной описи залива Ванкувер выслал на небольших вельботах отряды своих матросов во главе с офицерами. Всюду англичан радушно встречали русские промышленники, угощали свежей рыбой, устраивали у себя на ночлег. Англичанин Витбей должен был при этом признать, что «русские находятся на весьма дружественной ноге со всеми жителями сего края»³. Впоследствии к этому мнению вынужден был присоединиться и Ванкувер. Он сообщал, что русские пользуются огромным влиянием на туземцев, которое, добавлял он с оттенком сожаления, «иностранцы вряд ли сумеют подорвать»⁴.

Очень подробно описывает Ванкувер устройство русских поселений — добротность построек, хорошее вооружение, стоящие у берегов галиоты с пушками и фальконетами. Он отмечает, порой с явной неприязнью, удивительную выносливость и скромность русских, их гостеприимство и трудолюбие. Важные сведения сообщил англичанам Егор Пуртов. Разговор шел с помощью переводчика. Но когда один из офицеров, Пэдджет, попытался получить сведения о секретной тогда экспедиции Сарычева — Биллингса, то он вынужден был констатировать, что русский «или не понимал, или не хотел понять его вопросов касательно сего предмета»⁵.

Очень настойчиво интересовался Ванкувер русскими картами Тихого океана, зная по опыту Кука, которого он сопро-

¹ Д. Ванкувер. Путешествие в Северную часть Тихого океана и вокруг света, стр. 207.

² Там же, стр. 208.

³ Там же, стр. 222.

⁴ Там же, стр. 372.

⁵ Там же, стр. 232—233.

вождал в последнем плавании, как полезно сверить с ними свои описи. Ванкувер сообщает, что в бытность Кука на Уналашке русские мореходы сделали много ценных исправлений в его картах.

Вскоре желание Ванкувера исполнилось. К англичанам прибыл начальник одного из русских поселений в Чугацком заливе Петр Коломин, который привез карту и «позволил мне снять с оной копию», признается Ванкувер и добавляет, что «я включил в свою карту сии места (район полуострова Аляска и Кадьяка. — А. А.) по русской описи» и, кроме того, «она могла пояснять предположения наши насчет некоторых пунктов, о коих оставались мы еще в недоумении»¹.

Английские корабли продолжали медленно продвигаться на восток. Подойдя к заливу Якутат, они снова встретили там Пуртова во главе отряда промышленников. «Сей отряд, — с изумлением пишет Ванкувер, — проехал сие великое пространство по океану в маленьких ладьях из шкур»². Пуртов дал англичанам много ценных сведений о характере побережья и, конечно, рассказал, что шесть лет назад на берегах этого залива были установлены железные доски с русским гербом, а он, Пуртов, уже привел окрестные племена индейцев в русское подданство. Ванкувер, по понятным соображениям, не сообщает об этом в своем дневнике. По тем же соображениям он не приводит на своей карте почти ни одного русского названия, без всякой меры присваивая английские названия всем местам, которые ему удалось увидеть.

В свое время В. М. Головнин с усмешкой писал, что если бы какой-либо иностранный мореплаватель сделал бы такое открытие, как Беринг и Чириков, то «не токмо все мысы, острова и заливы американские получили фамилии князей и графов, но даже и по голым камням рассадил бы он всех министров и всю знать; и комплименты свои обнародовал всему свету. Ванкувер тысяче островов, мысов и проч., кои он видел, роздал имена всех знатных в Англии и знакомых своих, напоследок, не зная как остальные назвать, стал им давать имена иностранных посланников, в Лондоне тогда бывших»³.

Целью англичан в данном случае было не только удовлетворение своего тщеславия. Ванкувер стремился свести к минимуму заслуги русских в деле открытий и исследований в Новом Свете и раздуть, выпятить на первый план и увековечить «заслуги» своих соотечественников.

В районе архипелага Александра экспедиция Ванкувера закончила тщательную опись американского побережья.

¹ Д. Ванкувер. Путешествие в Северную часть Тихого океана и вокруг света, стр. 320—321.

² Там же, стр. 382.

³ В. М. Головнин. Соч., т. III, стр. 121—122.

Несмотря на то, что Ванкувер знал о присоединении этих земель к России, посещал русские поселения на побережье, видел железные доски с российским гербом, всюду встречал русские промысловые артели, он все же, не моргнув глазом, приказал выполнить мошенический обряд «принятия во владение» Британией пройденного экспедицией участка северо-западного побережья Америки.

Англичан ничему не научил пример Кука: ведь на том месте, где в свое время он незаконно учинил этот обряд, теперь находились поселения русских, истинных открывателей этих мест. Не заставил англичан задуматься и другой, на первый взгляд незначительный, но глубоко символический эпизод. Во время плавания по Чугачкому заливу англичане обнаружили на одном из островов большой деревянный крест с полустершейся надписью: «Карл IV, король испанский, лета 1790, П. Д. Сальвадор Фидальго». Это была память о другом незадачливом «открывателе».

Баранов дал достойный ответ Ванкуверу уже на следующий год после ухода английской экспедиции от берегов Русской Америки.

Русские достигают Калифорнии

В ясный весенний день 1795 года в заливе Якутат раздался пушечный салют и взвился русский флаг. С двух кораблей на берег сошли промышленники, и Баранов торжественно объявил, что здесь будет заложена новая крепость. У подножья гигантского ледяного конуса горы Св. Ильи, одной из величайших вершин побережья, застучали русские топоры.

Баранов внимательно изучал архипелаг Александра, где уже до него побывали мореходы Яков Шильдс и Василий Медведников. На острове Ситха Баранов открыл большой залив, где в одной из бухт на огромном неприступном утесе расположилось индейское селение. Он тщательно исследовал побережье, завязал дружбу с жителями острова. В 1799 году русские поселенцы в Америке отметили новое важное событие: на берегу Ситхинского залива возникла еще одна русская крепость, названная Архангельской. Почти две тысячи миль отделяли ее от первых русских поселений на Кадьяке. Границы Русской Америки приближались к землям Калифорнии.

Но не унимались иностранные, главным образом английские, американские и испанские контрабандисты и корсары. Мечтая о пушных богатствах Русской Америки, они продолжали снабжать индейцев оружием и спиртными напитками и всячески восстанавливали их против русских поселенцев. Пирату Барберу удалось даже организовать нападение индейцев на Архангельскую крепость. Незадолго до этого трое американских матросов попросили приютить их в крепости. Коварным предательством ответили они на радушие русских: в нужный

момент американцы открыли нападающим крепостные ворота. Архангельскую крепость спалили дотла, и все ее мужественные защитники были перебиты. Это произошло в 1802 году.

Враги Русской Америки ликовали. Они были уверены, что русские никогда не оправятся от такого удара. Злорадно посмеивались лорды британского адмиралтейства, с облегчением вздохнули перепуганные успехами Баранова испанские колонисты в Калифорнии, и в католических миссиях Сан-Франциско, Монтерeya, Сан-Диего и Сан-Кентино монахи возносили к небу благодарственные молитвы.

Однако в том же году к берегам Калифорнии приплыл отряд русских промышленников под начальством Швецова и Тараканова. Они спокойно вели бобровый промысел. За ними следили с берега конные испанские патрули, но остановить не посмели.

А спустя два года в Ситхинском заливе появился большой отряд русских кораблей под командой Баранова и сотни байдарок с дружелюбными алеутами и эскимосами. На соединении с ними прибыла «Нева» под командой Лисянского, участница первого русского кругосветного плавания. Под пушечный грохот над Ситхой вновь взвился русский флаг, и на высокой скале была заложена новая русская крепость — Ново-Архангельск, которая вскоре стала столицей Русской Америки. Баранов простил индейцев, участвовавших в нападении на крепость, прекрасно понимая, кто был истинным вдохновителем резни на Ситхе.

Шли годы. Русские упорно продолжали осваивать территорию Аляски. Все глубже проникали они внутрь материка, совершали далекие плавания, вели мирный промысел и торговлю.

Русские мореходы стали все чаще появляться у берегов Калифорнии. Они уже вели бобровый промысел далеко на юге, в бухте Сан-Диего под $32^{\circ}4'$ с. ш. и в бухте Сан-Кентино на границе Новой и Старой Калифорнии. Мореходы привозили Баранову достоверные сведения о благодатном климате тех мест, о вечнозеленых рощах могучего кедра, красной ели и желтой сосны.

В 1808 году в далекий поход на юг выступил Сысой Слободчиков во главе артели промышленников. Он на байдарках достиг Калифорнии, и в Тринидадском заливе, который обступили снежные громады Каскадных гор, под 41° с. ш. установил железную доску с надписью «Земля Российского владения». В том же году в новый поход выступил Швецов. Он спустился еще дальше на юг, к мысу Мендосино, и там открыл залив Румянцева. Горы, поросшие дубовыми и лавровыми рощами, богатые пастбища, плодородные земли привлекли внимание Швецова. На берегу залива Румянцева, в 60 милях к северу от залива Сан-Франциско, где находилось последнее испанское поселение, он установил железную доску с российским гербом. Затем

Швецов двинулся дальше на юг и вскоре достиг залива Сан-Диего, где его застала теплая калифорнийская зима.

Наконец, в том же 1808 году пришел в Калифорнию на корабле «Кадьяк» первый помощник Баранова Иван Кусков. Несколько месяцев провел он на берегах залива Румянцева. Кусков тщательно изучал этот район. Впадавшая недалеко в море река была названа Славянкой.

И вот настал день, когда Баранов отдал приказ заложить в заливе Румянцева новую крепость. Границы Русской Америки подошли вплотную к испанским владениям. На берегу океана была воздвигнута крепость Росс, самый южный форпост русских владений в Новом Свете.

Баранов в гавани Ново-Архангельска чуть не каждый год теперь принимал суда из Кронштадта, совершавшие кругосветные плавания. Здесь бросали якорь корабли Головина, Коцебу, Лазарева, Гагемейстера и других русских мореплавателей. Флаги многих стран развевались в Ново-Архангельском порту, который превратился в один из самых оживленных центров тихоокеанской торговли.

На Кадьяке, в Ново-Архангельске и других местах были открыты новые школы, десятки маленьких эскимосов и индейцев обучались там письму и счету, а в «высшей школе» на Кадьяке их учили даже французскому языку и музыке. Библиотека Ново-Архангельска насчитывала много сотен книг, а музей приводил в изумление иностранных мореходов.

Из залива Румянцева русские совершали далекие экспедиции в глубь материка. Они исследовали многочисленные реки, горные кряжи и леса. Около Росса были разбиты огороды и пашни, в заливе Румянцева строилась корабельная верфь. Окрестные индейцы находили в крепости защиту от притеснений и жестокостей испанцев, которым лишь оставалось с немym изумлением и страхом следить за мужественной деятельностью русских.

Состязание у полярных берегов Аляски

О своеобразном состязании у полярных берегов Аляски, продолжавшемся около ста лет, с гордостью писал в 1840 году русский журнал «Сын Отечества» в предисловии к помещенному в номере описанию путешествия известного исследователя Аляски Александра Кашеварова.

Это состязание возникло между русскими и английскими мореплавателями, в разное время пытавшимися проникнуть как можно дальше на север вдоль американского побережья. Отправным пунктом их плавания служил Берингов пролив, открытый в 1648 году Семеном Дежневым.

Начало исследованию полярного побережья Аляски положила в 1732 году экспедиция Федорова и Гвоздева. Смелые море-

ходы составили первую опись побережья в районе Берингова пролива и тем самым указали путь другим европейским исследователям.

Спустя почти пятьдесят лет, в 1778 году, в эти места пришли корабли Кука. Минозав Берингов пролив, английский мореплаватель двинулся на север вдоль побережья Аляски. Однако корабли держались очень далеко от берега, и Кук мог нанести на карту только самые общие его очертания. На широте $70^{\circ} 13'$, близ мыса Ледяного, сплошные льды преградили путь экспедиции. Кук вынужден был повернуть обратно.

Значительно более подробно изучали полярное побережье Аляски последующие русские экспедиции. Первая из них под начальством выдающегося мореплавателя О. Е. Коцебу прибыла в этот район в июле 1816 года на корабле «Рюрик». «Я держался так близко к берегу, как только позволяла глубина, составлявшая здесь едва 5 сажень,— отмечает Коцебу,— поэтому, находясь часто менее мили от берега, я не мог не увидеть никакой бухты или залива... так как глубина в 11 сажень находится уже в таком отдалении от берега, что он, при его низменности, едва только виден, то не удивительно, что Кук, державшийся здесь всегда на 17 сажнях глубины, вовсе не приметил этой низменности»¹. Не ограничиваясь наблюдением с борта судна, Коцебу на лодках тщательно исследовал побережье, совершал далекие пешеходные экскурсии. Коцебу открыл огромный залив, получивший его имя, остров Сарычева, залив Шишмарева и много других мест; были составлены прекрасные ботанические и минералогические коллекции, собраны интересные сведения о быте и нравах местных жителей. Русская экспедиция сделала в научном отношении значительно больше англичан, и Коцебу, как арктический исследователь, превзошел Кука.

В июне 1820 года новая русская экспедиция в составе двух кораблей появилась у полярного побережья Аляски. На шлюпе «Открытие» плыл начальник экспедиции капитан М. П. Васильев, шлюпом «Благонамеренный» командовал бывший спутник Коцебу капитан Г. С. Шишмарев. Отважные мореплаватели побили рекорд Кука и проникли дальше его на север.

Пройдя Берингов пролив, шлюпы медленно двинулись на север, тщательно изучая побережье и нанося его на карту. Стоит отметить, что самый западный мыс Аляски, который Кук поспешил окрестить именем принца Уэльского, русские мореплаватели назвали на своих картах в честь истинного его открывателя мысом Гвоздева. Острова в Беринговом проливе на русских картах также названы именем этого славного морехода. Попытка Кука замолчать плавание экспедиции Федорова—Гвоздева не удалась, как не удалась подобные попытки и современных буржуазных географов.

¹ О. Е. Коцебу. Путешествие вокруг света, стр. 79. Географгиз. 1948.

Близ залива Коцебу экспедиция неожиданно столкнулась с американской шхуной «Педлер» под командой Джона Мика, который занимался здесь выгодной торговлей, сбывая эскимосам в обмен на шкуры морских зверей огнестрельное оружие, порох и различные безделушки. Но американцы всячески уверяли Васильева, что они ведут в этих местах «научные» работы.

Характерно, что не плавание Кука и его общие, не очень убедительные сведения об американском побережье за Беринговым проливом, а тщательные и всесторонние исследования Коцебу привлекли туда оборотистых янки. Джон Мик, однако, был не первым в этом районе. За год до него там побывал некий капитан Грэй. Зайдя перед этим на Камчатку, Грэй сообщил, что он намерен «проверить» открытия Коцебу, причем утверждал, что это задание будто бы дал ему организатор плавания Коцебу русский министр коммерции граф Румянцев. Вернувшись осенью того же года на Камчатку, обнаглевший янки объявил, что карта Коцебу абсолютно неверна, что он-де лично обследовал те места и что на будущий год он снова придет туда для дальнейших «исследований». Американец врал так грубо и нелепо, что даже сдержанный и осторожный начальник Камчатки капитан Рикорд заявил, что «из сказок сих видно, что Грэй — человек, принявшийся не за свое дело»¹.

На следующий год в районе залива Коцебу появился «Педлер» под командой Мика, с которым и столкнулась русская экспедиция. Американцы объявили, что они продолжают «исследования» Грэя и имеют на руках его карту. Русские офицеры с «Благонамеренного» решили познакомиться с ней. «Мы увидели, — пишет один из них, лейтенант Лазарев, — что упоминаемая карта была не что иное, как грубо скопированная с карты Коцебу на весьма тонкой прозрачной бумаге, и видно было, что господа американцы еще не успели перенести ее на хорошую бумагу... посему справедливо можно согласиться со мнением Рикорда, что целью американцев было не открытие, а торговля с жителями, в которой, чтобы не иметь препятствия со стороны сего капитана или нашей экспедиции, они выпросили себе поручение от графа Румянцева»². Иностранные купцы и контрабандисты, идя на любой обман, не прекращали хищнической торговли у берегов Русской Америки.

Между тем корабли русской экспедиции продолжали свои исследования. На карте Васильева появились мысы Головнина, Рикорда и ряд других пунктов. На следующий год шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный» под командой Васильева и Шишмарева снова пришли к полярным берегам Аляски.

Русские моряки превзошли Кука не только тщательностью

¹ А. П. Лазарев. Плавание вокруг света военного шлюпа «Благонамеренный», стр. 215. Географгиз. 1950.

² Там же, стр. 215—216.

исследования пройденного отрезка побережья, им удалось проникнуть дальше Кука на север до широты 71°6'.

На этом, однако, состязание русских и английских мореплавателей не окончилось. Спустя пять лет после экспедиции Васильева и Шишмарева через Берингов пролив прошел английский корабль «Блоссом» под командой капитана Фредерика Бичи. Англичане вскоре достигли ледяных полей, и судно уже не могло двигаться. Тогда Бичи отправил дальше на лодках своего спутника лейтенанта Элсона с отрядом матросов. Элсон достиг северо-западной оконечности Аляски, мыса Барроу. В это время Бичи занимался исследованием побережья к югу от кромки льда. Была составлена карта, на которой Бичи не постеснялся заменить многие русские названия английскими.

Результаты экспедиции Бичи были с восторгом встречены в Англии. Все были уверены, что английская экспедиция достигла пункта, дальше которого с запада, от Берингова пролива, уже никто не сможет пройти.

Но победа в состязании была одержана русскими моряками. В 1840 году журнал «Сын Отечества» писал, что Александр Кашеваров «должен был вступить в состязание с Куком, Васильевым и Бичи» и что ему принадлежит «слава состязания и честь победы в этом трудном подвиге»¹.

Экспедиция Кашеварова состоялась летом 1838 года. На судне «Полифем» смелый исследователь достиг мыса Лисбуэн. Здесь море оказалось забитым льдом, поэтому дальше отряд двинулся вдоль побережья на байдарках. 23 июля, через месяц после начала экспедиции, Кашеваров со своими спутниками обогнул мыс Барроу. К востоку от него были открыты и нанесены на карту залив Прокофьева, мыс Степового, залив Куприянова и мыс Врангеля. Эту часть побережья к востоку от мыса Барроу Кашеваров назвал берегом князя Меншикова.

19 июля в заливе Пеард на пути к мысу Барроу с Кашеваровым произошел случай, представляющий несомненный интерес для историка. У одного из эскимосов Кашеваров обнаружил листок из русского Морского календаря за 1836 год, на котором были сделаны пометки рукой... самого Кашеварова. Эскимос объяснил, что в том году на побережье к востоку от мыса Барроу побывали русские промышленники. Они торговали с эскимосами и на прощание роздали им листки в знак того, что русские первыми открыли эти места. И тут Кашеваров вспомнил рассказ известного исследователя Аляски Федора Колмакова о том, что подаренный ему Кашеваровым ранней весной 1836 года Морской календарь он тут же переслал своему другу Ивану Лукину, который в то лето отправился в далекий поход на север. Лукин вышел на побережье Ледовитого океана к востоку от мыса Барроу. Там он и роздал бывшие при нем листки Морского календаря Кашеварова.

¹ «Сын Отечества», т. I за 1840 год.

Спустя несколько дней Кашеварову рассказали о Лукине жителе мыса Врангеля.

Несмотря на то, что этот случай лишил Кашеварова права первенства в открытии Берега Меншикова, он честно описал его в своем дневнике. Благодарство русского исследователя помогло нам теперь доказать бесспорный приоритет русских в этом открытии. Дело в том, что в 1837 году, т. е. на следующий год после Лукина и за год до Кашеварова, к мысу Барроу с востока, из Канады, пришли служащие Гудзоновской меховой компании англичане Симпсон и Диз, которым впоследствии и был приписан приоритет в открытии этой части побережья.

Русским путешественникам всегда были свойственны величайшая добросовестность и глубокое уважение к заслугам других открывателей. Не было случая, чтобы кто-нибудь из русских исследователей Аляски не упомянул в записках или отчетах имен своих предшественников. Это выгодно отличает их от многих иностранных путешественников.

Историком Василием Берхом был, например, пойман с личным известный английский исследователь Канады Меккензи. Переводя в 1808 году на русский язык его книгу, В. Берх в одном из примечаний писал: «Жаль, что г. Меккензи теряет свой характер, не отдавая справедливости открытию прежних путешественников, и так самолюбив, что даже не упоминает их имен. Его Слевское озеро и река Слев были открыты г. Гирном за 20 лет прежде сего вояжа; и по всему видно, что Меккензи основал свое первое путешествие на его журнале и примечаниях, но так горд, что о сем ни слова не говорит; он даже переименовал имена всех мест, с намерением выдать оные за свои открытия»¹.

Отважным плаванием Александра Кашеварова заканчивается продолжавшееся свыше ста лет состязание русских и английских мореплавателей.

И здесь буржуазные географы остались верны себе, полностью игнорируя достижения русских исследователей. Бейкер, например, об экспедиции Федорова—Гвоздева упоминает лишь в самых туманных выражениях. «Возможно,— пишет он,— что в 1732 году русские, хотя и не зная этого, видели часть американского континента»². Какую часть континента и кто видел, автор не считает нужным указывать, оставляя под сомнением самый факт этого открытия. О плавании «Рюрика» Бейкер вынужден упомянуть уже более определенно, отметив в общих словах заслугу Коцебу. Но он прибегает к прямой фальсификации, пытаясь скрыть от читателя плодотворную работу русской экспедиции у побережья Аляски. Бейкер пишет, что будто бы

¹ Гирн и Меккензи. Путешествие по Северной Америке, стр. 2. СПб. 1808.

² Д. Бейкер. История географических открытий и исследований, стр. 191.

«после плавания к Берингову морю, где Коцебу положил на карту острова Диомиды (Гвоздева. — А. А.), он повернул к Маршалльским островам, где сделал дальнейшие открытия»¹.

Иными словами, получается, что к северу от Берингова пролива, в котором лежат острова Гвоздева, Коцебу вообще не поднимался. Дальше Бейкер просто замалчивает замечательное плавание кораблей Васильева и Шишмарёва и смелый байдарочный поход Кашеварова. Не удивительно, что после этого английский географ с легким сердцем отдает приоритет в открытии и исследовании полярного побережья Аляски своим соотечественникам. «Бичи,— пишет он,— продолжая работу Кука, достиг на востоке мыса Барроу»².

Американец Аусвейт, как мы помним, поступил в данном случае еще бессовестней.

Однако победу русских мореплавателей в необыкновенном состязании у полярных берегов Аляски и ценный научный вклад, внесенный ими в дело изучения этого района, не удастся замолчать или оспорить никому из буржуазных географов.

В делях Русской Америки

Мало кто из западноевропейских или американских географов, хоть сколько-нибудь дорожающих своей репутацией, осмелится сейчас полностью отрицать роль русских в открытии и исследовании внутренних районов Аляски. Распространенный прием, который используется буржуазными учеными, чтобы умалить несомненное первенство русских в этой области, заключается в бессовестном замалчивании большинства русских открытий и в подробных сообщениях о позднейшей деятельности там англичан и американцев.

Между тем знакомство русских с внутренними районами Аляски началось еще с 80-х годов XVIII века, а в следующем, XIX веке оно приняло огромный размах. Можно смело сказать, что задолго до первых американских и английских исследователей русские уже познакомились в основном со всей территорией Аляски.

По заснеженной тундре и торосистому льду замерзших рек, сквозь непролазные лесные чащи, через высочайшие горные хребты, пешком, на собаках и в лодках пробирались русские в самые недоступные районы Аляски. История этих открытий хранит в себе много славных имен.

В 1818 году экспедицией Петра Корсаковского был исследован обширный район на юго-западе Аляски, от озера Шелихова до Юкона. В устье реки Нушагак на берегу Бристольского залива было заложено самое северное к тому времени русское посе-

¹ Д. Бейкер. История географических открытий и исследований, стр. 520.

² Там же, стр. 530.

ление — крепость Александровская. Почти одновременно штурман Андрей Климовский исследовал район реки Медной и открыл большой горный кряж, высочайшая вершина которого получила имя Врангеля.

В 1829 году район, исследованный Корсаковским, был изучен и нанесен на карту топографической экспедицией прапорщика Васильева. В том же году Федор Колмаков продолжил начатую Васильевым опись реки Кускоквим на сотни миль вверх по ее течению и в устье Квыгым под $61^{\circ}34'$ с. ш. основал торговый редут. Этот отважный человек в течение многих лет исследовал просторы Аляски, он открыл и нанес на карту многие притоки Кускоквима. Важные открытия в этом районе сделал Иван Лукин, который во время одного из своих походов дошел, как мы помним, до берегов Ледовитого океана к востоку от мыса Барроу.

Далеким походом на Кускоквим предпринял в 1834 году Андрей Глазунов. В 1835—1836 годах он сделал топографическую съемку долины Юкона от устья до впадения реки Анвиг. Путевой журнал первого похода Глазунова, в отличие от записок большинства других русских исследователей, не был похоронен в архиве, он опубликован в «Журнале мануфактур и торговли» за 1836 год.

Через три года Глазунов вместе со штурманом Василием Малаховым продолжили опись Юкона еще на сотни миль вверх по течению и в устье реки Нулато под широтой $64^{\circ}42'$ основали самый северный торговый редут.

После этого неутомимый Малахов исследовал и нанес на карту реку Суситну, впадающую в Кенайский залив.

В 1842 году начала свою работу на Аляске экспедиция лейтенанта Лаврентия Загоскина. Она продолжалась свыше полутора лет. Тщательной описи и картографированию были подвергнуты русло реки Юкона на протяжении свыше 1 000 километров, нижнее течение крупнейших его притоков и река Кускоквим на значительном протяжении. Экспедиция собрала ценнейший географический и этнографический материал и обширные коллекции, переданные впоследствии в музей Российской Академии наук. Капитальный труд «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Загоскиным в 1842, 1843, 1844 гг.», упоминается в библиографических указателях крупнейших библиотек мира. Огромное научное значение этого труда по заслугам оценила Академия наук, удостоив его автора Демидовской премии.

Через четыре года после Загоскина начал свои исследования на реке Медной штурман Серебренников. Он первый в 1848—1849 годах поднялся по этой реке от устья до верховьев и нанес ее на карту вместе с притоком рекой Тлышынтой и большим Плавежным озером, расположенным к западу от реки Медной. Записки Серебренникова были опубликованы в

1852 году в Петербурге. Благодаря его исследованиям река Медная впервые получила на карте свои истинные очертания.

Огромное научное значение имеют работы крупнейших исследователей Русской Америки Ивана Вениаминова, Кирилла Хлебникова, Дмитрия Завалишина, Ильи Вознесенского, Ивана Петрова о ее флоре, фауне и населении, ценные записки, составленные нашими мореплавателями — Юрием Лисянским, Василием Головинным, Отто Коцебу, Михаилом Васильевым, Алексеем Лазаревым, Федором Литке, а также труды сопровождавших их ученых.

Активная и плодотворная работа русских по изучению внутренних районов Аляски не нашла своего отражения в трудах английских и американских географов. Аусвейт, например, в разделе «Северная Америка» с удовольствием описывает приключения французского авантюриста Брюлле, прославившегося налетами на индейские селения, а отнюдь не географическими исследованиями, а также плавание англичанина Фробишера, известного лишь открытием в 1577 году небольшого залива у Баффиновой земли, который он принял за северо-западный проход, составив фантастическую карту своего «открытия». Аусвейт уделяет внимание многим английским и американским путешественникам, не оставившим сколько-нибудь значительного следа в истории исследования Северной Америки. Но американский географ упорно молчит об открытиях русских, находя возможным не упомянуть ни одного русского имени.

Эта бесчестная тактика Аусвейта не удалась его английскому коллеге. Бейкер все-таки вынужден, хотя и в нескольких строках, но упомянуть о работах Загоскина и Глазунова (для сравнения сообщим, что одному лишь пресловутому Фробишеру он уделяет пять страниц). Приоритет в исследовании реки Медной Бейкер пытается приписать американцу Аллену, посетившему этот район в 1885 году, т. е. почти через сорок лет после Серебренникова. В данном случае Бейкер не может сослаться на свою неосведомленность, ибо двумя страницами ранее описания путешествия Аллена он упоминает о великолепном атласе карт северо-западного побережья Америки, составленном русским исследователем М. Д. Тебеньковым в 1852 году, в «Гидрографических замечаниях» к которому дается высокая оценка работ Серебренникова.

* * *

Русская Америка существовала до 1867 года, когда царское правительство продало эту территорию США.

Карта Алеутских островов, Аляски и Северной Калифорнии пестрит русскими названиями. Их было бы значительно больше, если бы английские и американские географы проявили хоть малую долю той научной объективности и элементарной честности, которыми они так кичатся, и не стерли бы со

своих карт множества названий, данных смелыми первооткрывателями и первоисследователями этих обширных пространств — русскими.

Неспроста занялись американские ученые этим постыдным делом. Русские названия на карте Северной Америки — свидетельство беззаветной отваги, упорства и предприимчивости русского народа — вызывают уважение и восхищение у простых людей Америки и всего мира, а этого в наши дни, как огня, боятся империалисты всех стран.

Район Аляски и Алеутских островов превращается сейчас американскими империалистами в один из плацдармов для борьбы за бредовую идею мирового господства США. Важное звено в так называемой «полярной стратегии», территория бывшей Русской Америки привлекает сейчас пристальное внимание маньяков, одержимых идеей новой мировой войны. Под вой и свист реакционной американской пропаганды о мнимой «угрозе США с севера» на Аляске и Алеутских островах идет лихорадочное военное строительство.

Поджигатели войны в своей злобной антисоветской пропаганде не брезгают ничем. Важное место в этой «идеологической войне» занимают вопли об исключительных «заслугах» англо-саксов в деле открытия и освоения этих гигантских пространств. При этом англо-американские пропагандисты порой опираются в своей лживой болтовне на хвастливые реляции прежних английских, американских и других исследователей и на высказывания своих ученых «авторитетов». Разоблачение происков поджигателей новой войны и клеветнической деятельности ее пропагандистов — дело всех искренних борцов за мир.

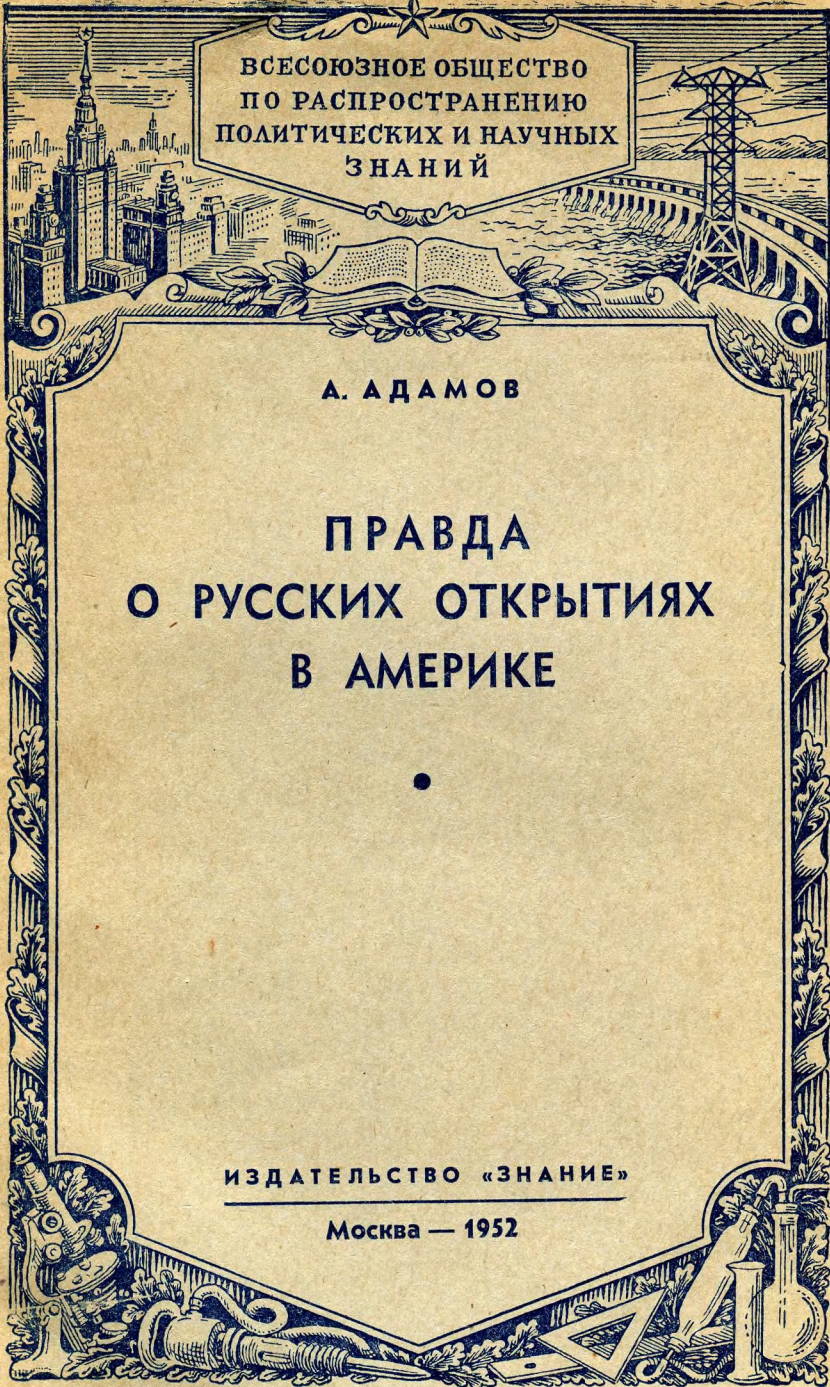

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

Цена 60 коп.

Серия II

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО
ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
ПОЛИТИЧЕСКИХ И НАУЧНЫХ
ЗНАНИЙ

А. АДАМОВ

ПРАВДА
О РУССКИХ ОТКРЫТИЯХ
В АМЕРИКЕ

•

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва — 1952